

Илья Муромец (4)

Старой-то Илья Муромец,
По прозванию Илья Иванович,
Тридцать лет лежал на пецки на муравленки.
Отец-мать уехали пашню пахать,
Пришла сиротина убогая, та калика перехожая,
Просит милостыню спасённую:
«Сотвори мне-ка милостыню спасённую».
Говорит-то старой да Илья Муромец:
«Не могу слезть с пецки со муравленки,
Не могу растянуть свою руку правую,
Не могу сотворить милостыню спасённую,
Бери с прилавка сколько тебе надожно».
Говорит сиротина убогая:
«Поворотись, слезешь с пецки, Илья Муромец».
Он ворóтитьца стал и слез с пецки со муравленки.
Говорит сиротина убогая:
«Поди сходи во погребы глубокие,
Налей ты цару зеленá вина,
Не малу, не велику — в полведра». —
«Уж ты гой еси, калика перехожая!
Выпей-ко с того с устáтоцку тяжелого,
Со той дорожецки со дальнией».
Говорит ему калика перехожая:
«Не пью я зеленá вина,
Не кушаю я сладкой водочки,
Уж ты выпей сам для здоровьица».
Взял единóй рукой Илья Муромец,
Выпил он чару зеленá вина.
Говорит калика перехожая:
«Много ли ты силы чувствуешь?» —
«Чувствую, как изможéнье есть».
Говорит сиротина убогая:
«Сходи поди в погребы глубокие,
Налей-ка чару зеленá вина,
Не малу, не велику — в полтора ведра». —

«Уж ты гой еси, кали́ка перехо́жая!
Уж ты выпей-ка зелено́ вина».
Отвечает калика перехо́жая:
«Я не пью зелено́ вина, выпей сам для здоро́вьяца».
Выпил он полтора ведра.
Говорит калика перехо́жая:
«Много ли в себе силы чувствуешь?» —
«А чувствую силы в себе:
Была бы в матушке сырой земле кольчужина,
Поворотил бы мать сыру́ землю кругом».
Пошел он на конюшин двор,
Выбирал коня себе спеча́нушка,
Седлал, уздал узду тесмяную,
Седлал седло зеркальцато,
Двенадцать клал он прутóв ме́нных,
Тринадцату клал чересхребётницу:
Не ради басы́ — ради крепости.
Поехал он во чисто́ поле,
Приехал он ко столбам точены́м;
На столбах-то надписи написаны,
На столбах подрезы подрезаны:
«Во перву́ дорожку ехать — живому не быть,
Во втору́ дорожку ехать — богату́ быть,
Во третью́ дорожку ехать — женату́ быть».
Говорит Илья Муромец тако́вы слова:
«На старость женитьца — чужа́ коры́сть,
А богатства мне не надобно:
Есть у меня золоты́ казны».
Осталась дорожка прямоезжая,
Зарасталась прямоезжая тридцать лет.
Он-то по той дорожке и поехал.
Там сидит Соловей Рахматавиц
На семи дубах, семи поддубацках.
Заревел он своим звонким голосом соловьиным,
Конь пал на коленца.
Соскочил Илья Муромец со добра́ коня:
«Конь ты конь, да травяной мешок!
Не слышал ты свисту соловьиного?»
Садился опять на добра́ коня,

Натягивал он тугóй лучок,
Накладывал стрелоцку каленую,
Выпускал эту стрелоцку калёную,
Залетала стрелоцка в соловьиный правый глаз,
Пал Соловей со семí дубáх, семи поддубушках.
Привязал Соловья ко хвосту коню,
Едет по дорожке прямоезжией
Ко тому высóку новú терему.
Увидала девушка-чернавушка,
Говорит-то матушке родимой:
«Отец-от едет, мужицка ведет».
Взглянула матушка родимая:
«Мужик-то едет, отца ведет».
Выходят на ворота железные,
Хотят жгать-палить дóбра мóлодца.
Говорит-то Соловей Рахматовиц:
«Не сердите вы удала добра молодца,
Не сердите вы да Илью Муромца,
Откупите вы меня золотой казной».
Он зашел к им в комнаты,
Увидел платье богатырское.
«Есть у нас во погребе глубокоем
Тридцать три богáтыря сидят,
А кони их на конюшнях стоят».
Он пошел, этих богáтырей и выпустил,
Отобрали золотú казну
И поехали в стольный Киев-град.
Пировали-столовали у солнышка Владимира.
Солнышко Владимир-князь дал Илье Муромцу
Дорогí подароцки — кúнью шубу.
Старóй-от по полу похаживат,
Таковы́ слова выговариват:
«Эта шубочка мне в любвé пришла».
А боярам толстобрюхим завидú стало,
За великую досаду показалось.
Сказали они князю Владимиру,
Что-то старóй-то по полу похаживал,
Таковы́ слова выговаривал:
«Эта шубочка мне-ко не в любвí пришла».

Князь Владимир рассердился,
Посадил его в погреб глубокий.
А жена-то, княгиня мать Апраксия,
Кормит, поит его чем надобно.
Какой ли король подпался, а некому воевать.
Говорит княгиня мать Апраксия:
«Ты еси, Владимир-князь,
Поди ко погребу глубокому,
Нет ли старого живого Ильи Муромца?»
Отвечает солнышко Владимир-князь:
«Ой ты, глупа баба, неразумная,
Какой живой старой есть,
Столько лет прошло?»
Она опять ему повторила,
Он пошел во погребы глубокие.
Там сидит старой да книгу читает,
Головы не разгибает, челом не бьет.
Пришла к тому погребу княгиня мать Апраксия.
Говорит она старому да Илье Муромцу:
«Не забудь мое да великое добро,
Не помяни князю зло великое».
Тут не белой куропать вспархиват,
А старой с погреба вскакиват.
Говорит солнышко Владимир-князь:
«Надо — отдам тебе золотую казну,
Надо — отдам тебе полцарства,
Одну дочку да полцарства дам». —
«Не надо мне золотой казны,
Напиши мне лучше ярлык-грамотку,
Отошли по всей стране-губернии,
Чтобы всюду принимали, кормили Илью Муромца».
Поехал тут во чистое поле,
Ездил, гулял он во чистом поле,
Приехал он ко терему — новую кабаку.
Сидят-то калики перехожие,
Перехожие калики, переезжие,
Пьянешеньки они да веселешеньки,
Своими кошельками призвякивают,
Узелки свои да приразвязывают,

Насобирали золоты́ казны на полведра.
Взял старóй одной рукой да и выпил к одну́ духу́.
Они бить его хотят. Он и говорит им:
«Бить-то меня не за что, взять-то у меня нечего,
А возьмите мой чúден крест,
Несите вина на пятьсот рублей».
Тут они расселись, пить стали.
Он и пьян стал и заспал в кабаке.
Они стали его побуживать.
Его богатырское сердце возъярилося,
Могучи плечи расходилися,
Схватил он чумаков-человальников,
Бросил во чистó поле.
Тут они пошли в подвалы в глубокие,
Выкатили три бочки зеленá вина,
Одну — ногой катíт, другú — под пазухой,
А третью — в руке несет.
«Пейте, кали́ки перехожие!»
Тут он поехал на своем на добрóm конí,
А встречаетца опеть кали́ка перехожая.
Он стал спрашивать у нее, выведывать:
«Шо едете во стольний Киев-град?»
Говорит-то кали́ка перехожая:
«Во стольний Киев-град едете,
Пришел Идолище поганое,
Сидит у князя у Владимира за столом,
У княгини мать Апраксии
Руку держит пониже пупа да окол черева».
Он и говорит:
«Ой еси ты, кали́ка перехожая,
Дай ты мне платье, что потрепешней,
Хúдо кушаченко о пяти узлов».
Отвечает ему кали́ка перехожая:
«Я облакусь в твое платье хорошее,
Никто не даст мне ничего».
Говорит ей Илья Муромец:
«У меня есть тебе что пить, что есть».
Тут они платье и поменяли.
Зашел Илья Муромец к князю Владимиру —

Сидит там Идолище поганое.
Говорит Идолище таково́ слово:
«Несите мне уточку не кушану, не кушану, не рушану!»
Принесли ему уточку не кушану, не рушану.
Идолище нож воткнул
Да прямо в рот пихнул.
Говорит-то кали́ка перехожая:
«У меня у татеньки родимого
Была собака волоча́ща,
По сме́тьям собака волочилась,
Костью́ собака подавилась,
И Идолищу того не миновать будет».
Говорит Идолище поганое:
«Несите мне братыньку пива пьяного!»
Принесли ему братыньку пива пьяного,
Взял он одной рукой и выпил к одному духу.
Говорит-то кали́ка перехожая:
«У меня прежде у матушки родимой
Была корова завиду́щая,
Пила по ушату воды, тим она и захлебнулася,
И Идолищу того не миновать будет».
Схватил Идолище була́тов нож,
Бросил он в кали́ку перехожую.
На полёте нож калика подхватывал,
Свистнул в Идолище поганое —
Улетели окóнички с простенками.
Кали́ка тут его и убил и выбросил во чистó поле.
Поехал Илья Муромец во чистó поле
Искать кали́ку перехожую.
Нашел на кали́ку перехожую,
Переменили они плати́шко,
Скинул с себя потре́бнишко,
Поехал во чистó поле.
Собрались тут они, стары́ казаки́,
Становили шатры чё́рны ба́рхатны.
Илья Муромец глядел-смотрел во чистó поле
Из своей трубочки подзорной.
Увидел там зверь еси идет, человек ли, кто ли.
Посылать стали Олешеньку Поповича.

А он и говорит:

«Послать надо старóго Илью Муромца».

Старóй-то таково́ словó выговариват:

«Забренчат палицы буёвые,
Зазвенять копéйца долгомётные,
Не утерпеть старóму во белóм шатру,
Потеряю вашу золотú казну».

Послали тут Олешеньку Поповича.

Олешенька Попович невежлива рода, не отецкого.

Приехал и говорит:

«Отколь, какой едешь, отколь кáтишься?»

Тот дал ему по тяпушу,

Прибавил по алабушу,

Посадил на добра́ коня:

«Пришли, говорит, старóго Илью Муромца».

Приехал Олешенька ко белú шатру.

Сказывать стал, рассказывать

Старóму Илье Муромцу:

«Тебя звал во чистó поле».

Скакал скорей старóй да Илья Муромец,

Шубу облака́л на одно плечо,

Шапку надевал на одно уха́,

Седлал коня доброго,

Поезжал во чистó поле.

Тут видели только, как в стремяна ступил,

А не видели, как на коня скочил.

Только видели: во чистом поли курева стоит,

Куревá стоит да дым столбом валит, —

То Илья Муромец встречу едет с Соколюшком.

«Здравствуй, удалой добро́й мо́лодец,

Откуль едешь, откуль кáтишься, куда путь держи́шь?» —

«Я, говорит, еду-иду со стары́м казаком, с тобой поратитьца».

Тут ткнулись они копельцами бурзамецкими —

У рукояток копья поломались.

Ударились они палицами боёвыми —

А палицы у них загорелися.

Тут скакали они со добры́х коней,

Стали они битьца на рукопа́шицу.

Билися-тягались трои сутоки.

У старóго нога левá да подвихнулася,
Правá нога да окатилася.
Пал старóй на сырú землю.
Тут вскочил Сокольник на белы́ грудí,
Он хотел пороть да гру́ди бéлые,
Он смотреть его да ретивó сердцó.
Взмолился старóй Господу Богу:
«Стоял я за веру христианскую,
Стоял я за церкви православные!»
Вдвое старóму силы прибыло.
Он скочил скорей да на резвы́ ногí,
Хватил Сокольника да за златы́ кудрí —
Упал Сокольник да на сырú землю.
Вынимат старóй да свой булатной нож,
А хочет пороть его белы́ грудí,
Увидел его да чúден крест —
И говорит Илья Муромец таково́ словó:
«Какой ты земли, какой родины,
Да какого отца-матери,
Как тебя, молодца, да именем зовут,
Да какого ты роду-племени?»
Отвечал ему Сокольник таковы́ слова́:
«Когда был я у тебя на белых́ грудях́,
Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Я не спрашивал отца-матери».
Опеть второй раз стал спрашивать Илья Муромец.
Отвечал ему Сокольник таковы́ слова́:
«Той я матушки Златы́горки сын».
Говорит ему старóй да Илья Муромец:
«Твоей-то я матушки за руки́ держал,
За руки́ держал, уста целúевал,
На руки сыпал да опочíн держал,
Опочíн держал — любовь сердечную,
Тут мы тебя и прíжили».
Тут они и разъехались.
Поехал Сокольник ко матушке родимой,
Ко той ко мамке, ко Златы́горке.
Говорит-то Сокольник своей матушке:
«Я съехался в поли, сратился

Со теим со старым Ильей Муромцем во чистом поли».

(И рассказал всё.)

Она и говорит:

«Не пустым старой да похваляетца,

То у старого было дело».

(Зап. Митропольской Н. К. и Переваловой Е. И.: авг. 1942 г., д. Верхнее Бугаево Усть-Цилемского р-на — От Шишоловой Авдотьи Андреевны, 79 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.